29 СЕН 1973 КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ
г. НОВОКУЗНЕЦК

К НАЧАЛУ ТЕАТРАЛЬНОГО СЕЗОНА

В ГОСТЯХ У МЕЛЬПОМЕНЫ

Пройдут два дня. Вечером привычно загорятся огни театрального подъезда, зазвенят звонки, поднимется занавес. В Новокузнецком драматическом театре имени С. Орджоникидзе начнется новый, сорок первый, сезон. Это значит — новые заботы, волнения, тревоги...

А пока... Получится ли спектакль? Удастся ли вдохнуть жизнь в сценические образы? Потрясут ли они сердца зрителей? Не думайте, что эти вопросы сейчас волнуют только режиссеров и актеров. Нет. О них думают все служители музы театра — Мельпомены. И директор театра, и помощники режиссера, и художник, и те незаметные, но преданные своему делу мастера, которые проводят долгие часы в костюмерном, бутафорском, парикмахерском и других его цехах.

Э. СОБОЛЕВА: «Все время думаю о Гарсиа Лорке. Хочется донести до зрителя всю поэзию его мировосприятия...».

Идут последние репетиции. В фойе, за кулисами, в репетиционных залах, в кабинетах директора и режиссера — всюду царит оживление, свойственное последним дням перед открытием сезона.

Пройдемся по залам театра. Заглянем в его рабочие лаборатории. Одно впечатление сменяет другое. Их много. И кажется даже, что трудно уловить главное, основное. Но чем больше вы знакомитесь с жизнью актеров и режиссеров, тем яснее и четче выступает основная мелодия движений души, настроений.

— Пожалуйста, еще раз эту сцену...

Голос М. А. Герштa звучит негромко. Но в нем чувствуется и воля режиссера и его желание добиться необходимого результата. Идет ввод в пьесу Виктора Розова «Ситуация». Герой новой пьесы Розова рабочий Виктор Лесиков — изобретатель. О чем же спектакль? Скорее всего о подлинном достоинстве рабочего человека. Передать нравственные представления, которыми живет герой, раскрыть его внутренний мир — вот о чем думает постановщик. В ситуации, рассказанной автором, есть нечто значительно большее и важное, чем то, что укладывается в сухие рамки сюжета. «Ситуация» — проявление характеров, попытка обнаружить новые аспекты в спорах о нашем современнике.

Нравственно-этические проблемы стоят в центре и другой пьесы, над которой работают сейчас актеры, — «Сталевары» Геннадия Бокарева. И тут нужно тоже не просто развести актеров, найти жизненные мизансцены, но главное обнажить «нутро» человеческих характеров, найти свой угол зрения на проблему «человек и его дело».

Вот почему еще и еще раз звучат настойчивые слова:

«Повторим эту сцену сначала».

— ...Разрешите поговорить с вами.

Она сидела в просторном зале и делала какие-то пометки в листках, где были подробно расписаны диалоги ее роли.

— Да, в Новокузнецке недавно. До этого знала о нем по журналам, газетам, рассказам друзей. Непосредственная встреча превзошла все ожидания. Город оказался значительно более обаятельным и каким-то неожиданным.

Элеонора Соболева — новая актриса в театре. Приехала из Иркутска.

— Ваш дебют в «Ситуации»?

— Нет, не угадали. В пьесе Г. Запольской «Мораль пани Дульской». Мне поручена роль Юльясевичовой. Работа трудная и интересная. Но я для себя считаю, что мой дебют в Новокузнецком театре произойдет раньше.

— Почему вы так думаете?

— Моя первая встреча с новокузнецкими зрителями произойдет в спектакле по пьесе Федерико Гарсиа Лорки «Дом Бернарды Альбы». Я «ввожусь» на роль Аделы.

— Что ж, ввод — это тоже очень ответственно для актера.

— Да, не менее ответственно, чем новая роль. Я очень люблю творчество Лорки. Это большой поэт и драматург. Недавно мне пришлось работать над сценарием о его жизни и творчестве. Знаете, это какой-то неповторимый, полный чудесных звуков мир. В телевизионном спектакле я читала стихи этого замечательного поэта. Многие отрывки исполняла на испанском языке. Мелодика его стиха буквально покорила меня. В ней есть все: и шум морского прибоя, и холодный свет луны, и чуть уловимое движение ветра. Хочется и в спектакле донести до зрителя всю поэзию мировосприятия Лорки.

— Как вы пытаетесь добиться этого?

— Всеми выразительными средствами. Здесь и ритм испанской речи, и пластика движений, и особый характер темперамента.

— Механизм работы над ролью у каждого актера свой. В чем особенность вашего подхода к раскрытию образа?

— Часто иду от пластического рисунка. Я училась в балетной студии. Может быть, поэтому такой путь мне наиболее близок. Порой одна выразительная, удачно найденная пластическая деталь помогает найти самое верное самочувствие, ведет к точному психологическому состоянию.

И совсем неожиданно Соболева снова возвращается к Гарсиа Лорке.

— Очень хочу, чтобы роль получилась. Все время думаю о Лорке. Особенно сейчас, после трагической смерти Сальвадора Альенде. Ведь и Гарсиа Лорка когда-то был убит хунтой, испанскими фашистами.

Она опять погружается в свои заметки, а я отхожу от нее и попадаю в гущу споров, острых диалогов. Слушаю. Недавно приехавший в театр актер Вениамин Бантин репетирует сцену из спектакля «Криминальное танго». Спектакль делается силами учащихся театральной студии. А это значит: горячие споры, увлеченность работой, поиски и сомнения.

Постановщику нелегко. Только что закончилась работа над эпизодом из «Стакана воды» Э. Скриба, где В. Бантин играет роль сэра Болингброка. Партнеры актера Наталья Сопичкина и Леонид Луцкий стремились найти лучшее решение, убеждали, доказывали.

А через несколько минут — новые образы, проблемы. И Вениамин Бантин уже не актер, а постановщик. Студийцы Люба Васильева, Олег Повловец, Герман Карпов внимательно слушают указания режиссера. Искренние и непосредственные, они вносят в обстановку репетиции много оживления, яркого восприятия происходящих событий.

— Вы выбрали для студийного спектакля пьесу Э. Раннета «Криминальное танго». Почему? Что привело вас к этой пьесе? Какие проблемы волнуют как режиссера-постановщика?

— Правда жизни. Глубокая, осмысленная. Особый гражданский накал ее чувств и проблем. В жизни я ненавижу равнодушие. «Криминальное танго» направлено против преступного равнодушия. Я выбрал пьесу, которая помогает мне открыто драться с этим человеческим пороком. Искусство — всегда процесс, всегда поиск. В нем нет каких-то абсолютно неизменных критериев. Но есть вечные требования. И первое из них — гражданственность. Чутко ощущать, что волнует современного зрителя, какие вопросы беспокоят его, чем он живет. Вот что важно. Мне кажется, что наш спектакль затрагивает эти животрепещущие проблемы и поэтому найдет путь к сердцу зрителя.

А нынешний зритель неизмеримо вырос. Он получает удовольствие только тогда, когда принимает активное участие в творческом процессе. Как включить его в актерский процесс, заставить сопереживать всему происходящему на сцене? Вот об этом я сейчас и думаю. Это не дает мне покоя.

Меня привлекают яркие по форме спектакли, эмоциональные, полные неожиданных красок, заставляющие зрителя размышлять, спорить. Я против скуки в режиссуре, за яркую театральную зрелищность, за большую правду жизни.

В. БАНТИН: «Давайте, Наташа, еще раз повторим эту сцену. Проще, естественнее интонации. Идите от внутреннего состояния героини...».

— Над какими сценическими образами работаете сейчас как актер?

— Ну прежде всего, Вайнонен в «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского. Это очень ответственная роль. Вайнонен — кристально чистый человек. Мучительные раздумья моего героя, его поиски правды очень дороги для меня как актера. Хочется создать характер сложный и в то же время внутренне очень цельный.

Судьба человеческая — судьба народная — такова одна из главных мыслей «Оптимистической трагедии». И показать этого реального человека во всей сложности его судьбы, человека, стоящего на грани двух миров,— очень трудно.

— Мне говорили, что у вас много вводов в различные спектакли?

— Да. И вводы очень интересные и многоплановые. Это и сэр Болингброк в «Стакане воды» Э. Скриба, и Барон в спектакле «Конец хитрова рынка» по пьесе А. Безуглова и Ю. Карлова, и гротесково-комедийная роль в пьесе Б. Рацера и В. Константинова «Проходной балл».

— Какие требования, как режиссер, вы предъявляете к актерам, с которыми работаете?

— Мне кажется, что единого закона игры, который одинаково подходил бы ко всем актерам, просто не существует. Все зависит от индивидуальных особенностей актера, от всей его психофизической структуры. Актеры разные, [illegible] разных школ. И надо уметь найти к каждому свой особый «ключик», чтобы помочь раскрыться артисту. Вот, например, «Сталевары», спектакль, которым мы открываем сезон. Как много там неповторимых характеров. Люди вместе живут, вместе работают. А как не похожи один на другого. Актер должен уметь почувствовать эту непохожесть и передать ее зрителю. А иначе в спектакле возникнет не образ, а сухая и скучная схема.

Вениамин Бантин вел репетицию. А я продолжил свой путь по театру. Случилось так, что в этот день мне довелось встретиться еще с одним новым, только что приехавшим в Новокузнецкий театр актером. Это был Михаил Лещинский. Он сидел в вестибюле немного уставший после очередной репетиции. Первый вопрос, обращенный к нему, звучал несколько традиционно:

— Над чем вы сейчас работаете?

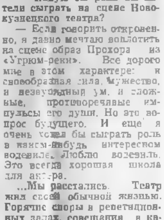
— Две роли. И совсем непохожие одна на другую. В этом отношении мне здорово повезло. Первая работа — ввод в спектакль «Ситуация». Образ Антона Копалина. Своеобразный характер. Копалин — человек, нетерпимо относящийся ко всякой неправде. Он видит многие недостатки и открыто говорит о них. В своих жизненных принципах он очень последователен и остается им верен до конца.

И вторая работа — образ Збышко в «Морали пани Дульской». Тут мне предстоит нарисовать характер человека, погрязшего в мещанских предрассудках, в чем-то слабовольного и колеблющегося. Збышко активен, наступателен в своих мещанских принципах жизни, и в этом отношении он выступает достойным преемником всей родословной Дульских. Показать гнилое нутро этого воинствующего мещанина — моя задача.

— Какую бы роль вы хотели сыграть на сцене Новокузнецкого театра?

— Если говорить откровенно, я давно мечтаю воплотить на сцене образ Прохора из «Угрюм-реки». Все дорого мне в этом характере: и своеобразная сила, мужество, и незаурядный ум, и сложные, противоречивые импульсы его души. Но это вопрос будущего. И еще я очень хотел бы сыграть роль в каком-нибудь интересном водевиле. Люблю водевиль. Это всегда хорошая школа для актера.

...Мы расстались. Театр жил своей обычной жизнью. Горячие споры в репетиционных залах, совещания в кабинете директора, беседы около расписания репетиций, вывешенного на самом видном месте, телефонные звонки режиссерам, задумчивые, сосредоточенные лица актеров, короткие реплики, брошенные на ходу, в деловой спешке возбужденные глаза молодых студийцев... Все говорило о последних приготовлениях, о той «предстартовой» атмосфере, когда надо собрать все усилия, всю волю, чтобы добиться успеха.



М. ЛЕЩИНСКИЙ: «Давно мечтаю сыграть образ Прохора из «Угрюм-реки». Все дорого мне в этом характере: и сила, и незаурядный ум...».

Пройдут два дня. И служители Мельпомены вынесут на строгий суд зрителя свои новые работы. Хочется верить, что они не оставят нас равнодушными. И театр выполнит свою высокую миссию — быть трибуной добра и справедливости.

В. ШОРОХОВ.